Василий Игнатьев (4)

Пропил Васенька свой тугой лук, Заложил калену стрелу, Лежит он на печке, на муравленке В одной рубашке без поеса, В одних чаблетах без чулочиков. Во то пору, в это времечко Поднялся на стольне Киев-град Скурлак сын Смородович, Со своим он со зятелком со Киршалком. Сопечалилса-сокручинился Солнышко Владимир-князь. В эту пору, в это времечко Не было во Киеве богатырей. Идёт он по городу по Киеву, Повеся несёт буйну голову, Потупя́ держит очи ясные. Увидала его бабушка-задворенка, Выбегала ему встрету: «Здраствуй, солнышко Владимир-князь! Што ты так запечалилса?» Князь слово ей не вымолвил. Обежала она — опять идёт стрету, И опять здороваетца бабушка-задворенка, И он опять слову не вымолвил. Обежала она в третей након, И опять идёт стрету, И опять здороваетця: «Здраствуй, солнышко Владимир-князь! Што ты так запечалилсе, Што ты так закручинилсе?» Тогда князь говорит ей таково́ слово: «Как мне не печалитьця, Как мне не кручинитьця? Напал на стольне Киев-град Скурлак сын Смородович

Со своим зятелком со Киршалком.

У его, собаки, силы много-множество,

Впереди его идёт сорок тысечей,

И по праву руку его по сорок тысечей,

И по леву руку по сорок тысечей,

А позади его, собаки, числа-сметы нет,

А у мня в городе нету защитника».

Говорит тут ему тогда бабушка-задворенка:

«На царевом на большом ка́баке,

На кружа́ле государеви

Спит-храпит там добрый молодец,

Тот Васенька Игнатьевич».

Тогда солнышко возрадовалсе

И побежал на царев каба́к.

«Здраствуйте, чумаки-человальники!»

Стал он будить доброго молодца на печке на, муравленке:

«Ставай-ка, добрый молодец!

Будет тебе спать, пора вставать:

Напал на стольней Киев-град

Скурла сын Смородович

Со своими со зятем с Киршеком,

У его, собаки, силы много-множество!»

Тогда пробужался добрый молодец:

«Опохмель меня, добра молодца!»

Брал князь чару зелена вина,

Чару не малу — в полтора́ ведра́.

Брал Васенька единой рукой,

Выпи́л к едину́ духу́

И сказал таковы слова:

«Окатило у меня ретиво серцё,

Не звеселило буйну голову».

Подавал князь ему втору чару в полтора ведра

И подавал добру мо́лоццу.

Брал Вася единой рукой,

Выпил к едину духу,

Попросил ещо Вася третью чару.

Подал ему солнышко князь третью чару.

Брал Вася единой рукой,

Выпил Васенька к едину духу.

Тогда соскакивал Васенька со печки, со муравленки,

Попросил он тогда тугой лук и калену стрелу.

Подали ему ту́гой лук и калену́ стрелу́.

Натягивал он свой тугой лук,

Налаживал калену стрелу,

И сам стрели́л да наговаривал:

«Ты лети, моя калена стрела́,

Выше лесу тёмнего,

Выше лесу стоячего,

Пониже облака ходячего,

Попади Киршеку прямо в правый глаз!»

Полетела его калена стрела

Выше лесу тёмнего,

Ниже облака ходячего,

Попала Киршеку в правой глаз, —

Тут Киршеку и смерть случилася.

Тут сказал Скурла сын Смородович:

«Время мне воротитьцэ от города от Киева,

На кого была надея, того леший взял».

(Всё, боле не знаю!)

(Зап. Астаховой А. М.: 5 июля 1929 г., сел. Усть-Цильма — от Поздеева Ивана Петровича, 64 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.